

А. М. Листопадов

Т. ПОЛОВА

14 февраля 1949 года в Ростове-на-Дону после продолжительной и тяжелой болезни скончался один из наиболее выдающихся советских собирателей народного музыкального творчества — Александр Михайлович Листопадов. Уроженец Донщины, он всю свою жизнь посвятил собиранию и изучению донской народной песни. В истории музыкальной фольклористики имя его стоит в одном ряду с такими исследователями русского народного многоголосия, как Ю. Н. Мельгунов, Н. Е. Пальчиков, В. П. Прокунин и Е. Э. Линева. В течение своей свыше чем полувековой деятельности А. М. Листопадов записал около 1800 песен, в том числе 1204 донских казачьих. Предпринятое Музгизом издание его капитального пятитомного собрания — «Песенное наследие донских казаков», первый том которого недавно вышел в свет, представляет ценнейший научный и художественный вклад в советскую музыкальную культуру.

Александр Михайлович Листопадов родился 18 (6 ст. ст.) сентября 1873 года в станице Екатерининской (ныне Красно-Донецкой) в старинной казачьей семье. Отец его был сельским учителем. Семья Листопадовых выделялась своей музыкальностью. Хорошими певцами и знатоками народной песни были дед и дядя собирателя, казаки Ермаковской станицы. В доме Листопадовых постоянно звучали и донские казачьи песни, и классические хоровые произведения, в исполнении которых активное участие принимал и А. М. с братьями и сестрами. Ими почти целиком воспроизводилась опера «Иван Сусанин» Глинки. В годы пребывания в духовной семинарии в Новочеркасске А. М. постоянно участвовал в ученическом хоре в качестве не только певца, но и дирижера. По окончании семинарии А. М. приступил к учительской деятельности в родной станице.

Записывать донские песни А. М. Листопадов начал в возрасте 18 лет. Когда записей накопилось достаточно, юноша отобрал 30 песен, снабдил их, как умел, фортепианным аккомпанементом и предпринял несколько неудачных попыток найти издателя. Один книгопродавец посоветовал ему обратиться к какому-либо из профессоров Петербургской консерватории с предложением гармонизовать его сборник. Однако молодой собиратель не последовал этому совету. Вдумчивое изучение исследований о русской народной песне и песенных сборников привело его к пониманию

несоответствия между формой сольной песни с традиционным гармоническим сопровождением и подлинным народным хоровым многоголосием, образцы которого он слышал в детские годы. Он уничтожил большую часть прежних своих записей и смело вступил на новый путь.

Начиная с 1894 года, Листопадов начинает записывать донские многоголосные песни. Для самоучки, каким он был тогда, эта задача представляла чрезвычайно большие трудности. Выручало то, что своеобразный склад донской хоровой песни был хорошо знаком ему на слух. К 1902 году Листопадов записал уже около 400 старинных донских песен в многоголосном изложении, из них 180 свадебных, с подробным описанием местных свадебных обрядов.

1902 год оказался знаменательной датой в творческой биографии Листопадова. 18 февраля 1902 года он выступил в Москве на заседании Музыкально-этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете с докладом о своей собирательской работе. Записанные им многоголосные донские песни произвели глубокое впечатление на присутствовавших на его докладе А. Д. Кастальского, С. И. Танеева, Е. Э. Линева, В. В. Пасхалова, А. Л. Маслова, Д. И. Аракишвили и других, проявивших горячее участие к талантливому собирателю. В скором времени Листопадов избирается действительным членом Музыкально-этнографической комиссии. Начиная с 1902 года, он принимал деятельное участие в ряде экспедиций, ставивших своей задачей собирание и запись казачьих песен.

Избран для экспедиции пути, по которым в давние времена шло заселение Донского края (берега Дона и его притоков — Донец, Хопер и Бузулук), Листопадов совместно с С. Я. Арефьевым (записывавшим песенные тексты) обследовал 99 населенных пунктов. Результаты этой девяти-месячной экспедиции превзошли самые смелые предположения: в общей сложности были записаны 703 превосходные песни, преимущественно многоголосные.

В последующие годы работа по записи народной многоголосной песни все более расширялась. Одновременно Листопадов заботится и о продолжении своего образования, как общего, так и музыкально-теоретического: с 1903 года он становится студентом Московской консерватории, в

1904 году — поступает на филологический факультет Московского университета. Он снова совершает поездку в Донскую область с целью уточнения прежних записей текстов и напевов, сверх того записывает свыше сотни новых песен. В 1906 году в «Трудах Музыкально-этнографической комиссии» (т. I) была опубликована статья Листопадова «Народная казачья песня на Дону» с приложением 14 многоголосных песен. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило автору большую серебряную медаль — «За изучение мелодий донских песен».

В 1907 году Листопадов был выслан из Москвы в Саратов за участие в революционном движении. Высылка из Москвы помешала ему окончить консерваторию и университет. СобираТЕЛЬСкая работа так же прекратилась, так как в течение ряда лет Листопадову было запрещено посещать Донскую область. Однако он продолжал работу над ранее собранным материалом.

В 1911 году Листопадов выпускает в свет большой сборник «Песни донских казаков», включающий 107 напевов, в том числе былин и исторических песен. Сборник был удостоен золотой медали и премии в память Международного конгресса по антропологии и доисторической археологии (1892 г.). Война 1914 года помешала издать последующие девять выпусков листопадовского собрания. Во II томе «Трудов Музыкально-этнографической комиссии» Листопадов опубликовал записи песен, сделанные еще в 1904 году (30 номеров). Несколько позже вышел сборник «1812 год в народных песнях», представляющий в наши дни библиографическую редкость.

В летние месяцы 1911, 1914 и 1915 годов неутомимый собиратель вновь едет за песнями на Дон. Помимо того, в Саратове (где с 1914 года он начал педагогическую работу в консерватории) он записывает также песни Поволжья — русские и татарские.

После Великой Октябрьской социалистической революции Листопадов получил возможность вернуться на родной Дон. Однако события гражданской войны задержали его в Саратове до 1920 года. В эти годы он руководит театральным хором Отдела искусств, музыкальной секцией саратовского Горно, дирижирует хором Политотдела саратовского Губвоенкомата.

По возвращении на родину в 1920 году Листопадов спешит записать новые песни, сложенные в годы гражданской войны. По командировке Донского областного военного комиссариата он направляется в экспедицию, во время которой собирает много нового материала. Кроме того, он читает лекции в Донском педагогическом институте (1920—1927), преподает в музыкальной школе и училище Новочеркасска. В 1934—1936 гг. Листопадов переезжает в Таджикистан, где преподает в музыкальных училищах Ленинабада и Сталинабада. В Сталинабаде он организовал научно-исследовательский кабинет народной музыки и лично записал таджикские, узбекские, уйгурские и памирские песни (всего 350 названий).

В 1936, 1937 и 1939 гг. Листопадов, возвратившись в Ростов, принимает участие в экспедициях в районы боев под Сталинградом (Царицыном) и казачьи станицы для собирания песен времен гражданской войны и новых песен советского Дона. В 1940 году в Приморско-Ахтырском районе Краснодарского края Листо-

А. М. Листопадов

падов записал 38 песен от казаков-некрасовцев, незадолго перед тем реэмигрировавших на родину из Турции, где они прожили около 250 лет.

Последние годы жизни Листопадов посвятил подготовке к изданию своего колоссального собрания песен Дона. «Работа идет с большим трудом,— писал он в 1944 году,— сказываются возраст, утрата значительной доли физических сил в последние годы, слабое состояние здоровья». Однако все помыслы и думы Листопадова по-прежнему сосредоточивались вокруг «поставленного перед самим собою и перед Родиной обязательства во что бы то ни стало закончить свой труд и возратить народу взятое от него культурно-песенное достояние».

Осенью 1948 года ряд научных учреждений и общественных организаций Ростова-на-Дону отмечал 75-летний юбилей маститого ученого. А 14 февраля 1949 года А. М. Листопадова не стало. Он умер после тяжелой и продолжительной болезни, не дождавшись выхода в свет первого тома своего капитального труда — «Песенного наследия донского казачества».

Огромный песенный материал, собранный А. М. Листопадовым, за исключением небольшой части до последнего времени оставался неопубликованным. Основной труд — славный памятник жизни Листопадова, его 5-томное собрание «Песенное наследие донского казачества», в насто-

ящее время печатаемое в Музгизе,—охватывает богатейшее песенное творчество Дона во всем его сюжетном, жанровом и мелодическом многообразии¹. Всего в собрание вошли 1204 песни (включая также ранее опубликованные в 1906 и 1911 гг. записи).

Историческое значение записей и исследовательских статей и докладов А. М. Листопада заключается в том, что он впервые дал научное описание особенностей донского многоголосия. Его предшественники и современники (Мельгунов, Пальчиков, Прокунин, Пятницкий, Линева) записывали и изучали многоголосные песни преимущественно среднерусские и северные. Они утвердили в литературе определение подголоска, как варианта основного напева, своеобразного отклонения его, вне зависимости от того, сверху или снизу он расположен.

Листопад впервые обратил внимание на иное значение подголоска (иначе — «дишканта») в южнорусских местностях, в частности на Дону, как самого высокого голоса, исполняемого искусным солистом, так называемым «подголосником». Собиравший справедливо писал в 1911 году, что «подголосок в казачьем хоре играет важную роль: это, можно сказать, душа песни. Без него песня кажется неполной, как бы хорошо ни исполняли ее другие голоса. Его сопровождение дает песне ширь и свободный размах, свойственные исконной казачьей песне... На общем фоне музыкальной картины, которую образует основная мелодия с сопровождающими ее вариантами других голосов,—легкие, оригинальные мелодические переливы и скачки подголоска дают впечатление полноты и своеобразной законченности»².

Речь идет об особом полифоническом складе, свойственном южнорусской, в частности донской (а также украинской), хоровой песне. Основной голос (обычно нижний) исполняется общим хором (не считая вступительного запева) в унисон или же с небольшим разветвлением на два голоса (подобно тому, как это бывает и в русских северных местностях). Этой основной хоровой партии противопоставляется мелодически самостоятельный верхний подголосок, или «дишкант» (в свою очередь иногда разветвляющийся на две мелодические линии, в тех случаях, когда в песне участвуют два подголосника). Таким образом количество голосов в донской хоровой песне может достигать трех, четырех, даже пяти, но основных партий всего две: нижняя, поющая всеми певцами, и верхняя, исполняемая солистом-«подголосником».

Устанавливая значение южнорусского термина «подголосок» в его народном понимании, Листопад, однако, впадает в крайность, стремясь рас-

пространить его на всю обширную русскую территорию. В своих «Автобиографических заметках» он пытается корректировать привычное и совершенно правильное по отношению к среднерусскому и северному народному многоголосию определение подголоска, как вариации основного напева.

Далеко не все из опубликованных А. М. Листопадом донских записей основаны на расшифровке фонограмм. При публикации своих записей донских песен Листопад нередко пользовался методом сводки подголосков путем гармонического соединения вариаций напева, записанных в одном месте, в один прием, от сельников, составляющих одну партию». «В народном исполнении,—говорит Листопад,—та или иная вариация напева или подголоска не прикреплена к известному стиху, а появляется случайно... так что вариация, услышанная в данный момент в одном стихе, при повторении песни оказывается при другом». На основании этого автор в первой же и единственной в его записи строфе напева дает все наиболее интересные сочетания голосов (вариационно-строфического развития донской песни нет в опубликованных записях Листопада).

В сборнике 1911 года «Песни донских казаков», изданном Донским войском с практическими целями, Листопадову пришлось аранжировать свои записи для трех-или четырехголосного хора. С этой целью он чаще всего прибегает к октавному удвоению народной двухголосной хоровой структуры. Такой своеобразный прием обработки способствует сохранению в общих очертаниях народной многоголосной ткани, хотя при этом, к сожалению, нередко нарушается характерный принцип донского сольного «дишкантирования».

Многоголосные песенные записи Листопада (в том числе и неопубликованные) широко использованы в двух выдающихся исследовательских работах его современника и друга А. Д. Кастальского: «Особенности народно-русской музыкальной системы» (Музгиз, 1923) и «Основы народного многоголосия» (Музгиз, 1948).

Кастальский весьма широко использовал листопадовские записи и в своих композициях: в музыке к драме «Стенька Разин», хоровом цикле «Полевые работы», различных хоровых сочинениях («Былинка» и др.). В письме от 23 января 1913 года он сердечно благодарит своего друга за помощь в творческой работе: «Я о Вас постоянно вспоминаю, так как сейчас работаю (да и вообще постоянно занимаюсь) над национальной народной музыкой, а это занятие, конечно, без записей Листопада» — не может обойтись...». Обращаясь с просьбой прислать тексты колядок, записанные от донских украинцев, Кастальский попутно делится своими творческими планами: «Я сейчас пишу «народные празднования» — работу, где хочу воспроизвести, то есть, вернее, восстановить в подробностях забытые или разрозненные бытовые черты (конечно, с музыкальной стороны) разных празднований (нечто вроде музыкальных картин для фортепиано, но с подписанным текстом). У меня получались (благодаря соединению воедино различных по местам подробностей известных празднований) цельные, последовательные картины: 1) Весна (заклинание и славление), 2) Радунца (сцена на кладбище), 3) Юрьев день, 4) Семик,

¹ Тексты части собранных А. М. Листопадом эпических и свадебных песен были опубликованы Ростовским государственным издательством в нескольких авторских сборниках: «Донские былины» (с предисловием Г. П. Сердюченко, Ростов-на-Дону, 1945), «Донские исторические песни» (с предисловием Г. П. Сердюченко, Ростов-на-Дону, 1946), «Старинная казачья свадьба на Дону» (Ростов-на-Дону, 1947), «Былинно-песенное творчество Дона» (Ростов-на-Дону, 1948).

² А. М. Листопад, «Песни донских казаков», вып. I, М. 1911, стр. 5.

5) Троицкие дни, 6) Русалии, 7) Ярилин день, 8) Купальская ночь, 9) Осень — дожинки, варка пива, вызывание духа умерших, охота, засидки (посиделки), 10) Святки (языческие), 11) Святые вечера (христианские), где мне и понадобились две и три, может быть, строки текста, о котором я Вас прошу, 12) Новый год, 13) Масленица... Когда в Москве Вы были так добры и давали мне на просмотр свои записи, — я кое-что мелодическое записал себе (кое-где есть и начальный текст), — но хотелось бы иметь еще 2—3 строки текста, характерного для данного случая. Еще должен сообщить, что хотя я по возможности везде упоминаю, что «мелодия записи такого-то», но вообще я не стесняюсь их изменять, а иногда и соединять 2—3 в одну».

Приведенные отрывки характеризуют творческие интересы, связывавшие двух выдающихся русских музыкантов — Листопадова и Кастальского.

Среди разнообразных песенных жанров, представленных в собрании Листопадова, почетное место занимают героический былинный эпос и исторические песни. Вклад Листопадова в дело изучения южнорусской, в частности, донской, эпической песни исключительно ценен.

В большинстве работ о русском былинном эпосе основное внимание уделялось северной традиции сольного эпического сказа. Средне- и южнорусские эпические песни до последнего времени еще не стали широким общественным достоянием. Правда, не только напевы, но даже тексты их систематически стали записываться сравнительно недавно, в самом конце прошлого столетия, а в некоторых областях лишь в наши дни. Тем более радостно, казалось бы, должны были быть встречены первые листопадовские публикации донского эпоса. На деле оказалось не так. Беспристрастной научной оценке замечательных образцов донского эпоса помешала господствовавшая тогда точка зрения на поэтические тексты южнорусских (в частности, казачьих) былин лишь как на своеобразный результат «искажения» и «деградации» традиционных северных текстов. В глазах авторитетнейших филологов того времени северная эпическая традиция расценивалась как наиболее совершенная и как якобы более древняя сравнительно с южной и северо-восточной (уральской) казачьей эпической традицией.

Весьма показательной в этом отношении оказалась опубликованная в 1914 году статья В. Ф. Миллера «Казачьи эпические песни XVI—XVII веков», основанная в значительной мере на листопадовских записях. Появление этой статьи, подвергающей сомнению художественную полноценность донской былины, было тяжелым ударом для ученика Миллера — Листопадова.

В наши дни ошибочность подобной точки зрения не вызывает сомнений. Южнорусская, а также северо-восточная — самостоятельная ветвь общерусского монументального эпического древа. По своей художественной ценности южнорусские и северо-восточные эпические песни отнюдь не уступают северным сказам.

Казачьи эпические песни отличаются большей лаконичностью в развитии сюжета. Если средняя продолжительность северной «старины» достигает 300—600, а иногда и свыше 1000 сти-

хов, то тексты южнорусских, в том числе и донских, былин обычно содержат 50—80 стихов, лишь изредка достигая 150. Такая лаконичность объясняется, с одной стороны, условиями военно-походной жизни казачества. Но, помимо того, широкораспевный многоголосный склад южнорусской хоровой эпической песни несовместим ни с пространностью изложения, ни с импровизационным складом повествования северных сказителей. Об этом справедливо писал сам Листопадов: «Одногласие на севере, в соединении с речитативностью, повлекло за собой для сказителя полное освобождение от сдерживающих рамок напевного ритма и открыло широкое поле для всякого рода отклонений, отступлений и полной импровизации в текстах, тогда как донской былине несвойственна импровизация текста, потому что хоровое пение охраняет песню от значительных изменений».

Лаконичность былинных текстов, записанных Листопадовым, в полной мере искупается яркостью и характерностью поэтических образов и исключительной красотой мелодии. Распевы, «большого дыхания» мелодии донских былин полны своеобразной эпической величавости, подлинно богатырской мощи.

Исключительно интересны листопадовские записи донских исторических песен, охватывающих огромный период — с середины XVI и по конец XIX века. Особенно ценный вклад представляет грандиозный «разинский цикл» (36 песен), своего рода «эпическая биография» народного героя, отдельные эпизоды которой («Разин в плену у турецкого султана», «Разин и персидская княжна», «Раненый атаман у перевоза») оказываются записанными впервые.

Замечательны также донские песенные циклы о Ермаке Тимофеевиче, о Петре I и, особенно, об Отечественной войне 1812 года, песни о семилетней войне (1756—1763), в частности, о взятии казаками Берлина, о великом полководце Суворове и другие.

Вся более чем полувековая деятельность Листопадова была направлена на поиски и собиране лучших образцов русского народного песнетворчества, на разработку новых методов записи песни и на исследовательскую работу над собранным богатейшим материалом.

Самая жизнь собирателя представляет истинно трудовой подвиг, замечательный пример бескорыстного, неутомимого и самоотверженного служения великому делу собирания и изучения народного искусства.

До последнего времени листопадовские донские песни мало использовались композиторами. Годы появления в печати листопадовских записей (1911) были годами засилья антинародных модернистских течений в композиторском творчестве. В этом заключалась причина того, что замечательная по своим высоким художественным достоинствам донская народная песня, с ее глубоко самобытным многоголосием, не привлекла внимания русских композиторов XX века, за исключением одного лишь Кастальского. А между тем записанные А. М. Листопадовым донские песни представляют подлинное сокровище для пытливой композиторской мысли, они способны служить подлинным источником вдохновения.